

Нет автора

Русский биографический словарь
Том 13. Павел, преподобный - Петр

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русский биографический словарь: Том 13. Павел, преподобный - Петр / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 749 с.

ISBN 978-5-4241-9236-4

ISBN 978-5-4241-9236-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ref. stko
nigh
7-2-30
22219

II

Павелъ, преп., муч. Виленскій XVII в., пострадавшій отъ польскаго короля въ Вильнѣ; неканонизированъ; память его— 3 мая.

«Сводный рукописный подлинникъ XVIII в.» по списку Филимонова, с. 53; Сергій «Св. Востокъ», II, III, 67; Барсуковъ «Источники русск. агиографіи», 416; Леонидъ «Св. Русь», № 789.

Павелъ, преп., пустынный Глушицкій, XV в.

Леонидъ «Св. Русь», № 320.

Павелъ, блаж. муч. русскій въ Крыму, пострадавшій отъ турокъ, † 6 апрѣля 1683; неканонизированъ. Въ юныхъ лѣтахъ былъ уведенъ татарами изъ Россіи и проданъ въ Константинополь; прослуживъ нѣсколько лѣтъ своему господину, тоже христіанину, отпущенъ на волю и вступилъ въ бракъ съ плѣнной дѣвушкой, получившей также свободу; отъ страданій въ плѣну впалъ въ падучую болѣзнь; за отказъ исповѣдовать магометанство— обезглавленъ. Страданіе его, напис. Каріофиломъ, помѣщено между житіями новыхъ мучениковъ, изд. на греч. языкѣ въ Венеціи 1799, а также въ Минеяхъ греч. служебныхъ, изд. Коммиссіею въ Царьградѣ 1843 и Варооломеевыми въ Венеціи 1870 (подъ 3 апр.).

Филаретъ «Русс. святые» 1882, апрѣль. 435—438; Муравьевъ «Житія святыхъ», апрѣль, 24—28; Сергій «Св. Востокъ», II, 1, 89 и III, 206; Барсуковъ «Источники русск. агиографіи», 419; Леонидъ «Св. Русь», № 172.

Павелъ, преп. Обнорскій, рѣже называемый Комельскимъ (отъ рр. Обноры и Комели), — подвижникъ и отшельникъ

XIV—XV в. Онъ родился въ Москвѣ въ 1317 г., при московскомъ удѣльномъ князѣ Юріи Даниловичѣ; скончался на р. Обнорѣ въ 1429 г., 10 января, когда и празднуется его память. Богатый по происхожденію, хорошо образованный, онъ съ раннихъ лѣтъ увлекался примѣрами подвижниковъ. Въ 1338 г., принуждаемый вступить въ бракъ, онъ бѣжалъ отъ родителей и постригся въ монахи въ Христорождственскомъ мон. на Волгѣ (въ нын. Ярославской губ.). Проведя въ этомъ монастырѣ нѣсколько лѣтъ и уже здѣсь обративъ на себя вниманіе своей аскетической жизнью, Павелъ удалился для дальнѣйшаго усовершенствованія къ преп. Сергію, въ Радонежскіе лѣса, гдѣ продолжалъ подвижничество сначала среди братіи, затѣмъ — въ полномъ отрѣшеніи отъ общества, въ уединенной келіи, изъ которой не выходилъ въ продолженіе 15 лѣтъ. Послѣ этого, получивъ въ благословеніе отъ преп. Сергія мѣдный крестъ, онъ отправился на сѣверъ, за Волгу. Здѣсь онъ провелъ много лѣтъ въ странствованіяхъ по лѣсамъ и скитамъ отшельниковъ и, наконецъ, основался въ Комельскихъ лѣсахъ, расположенныхъ по рр. Комели, Грязовицѣ, Нурмѣ и др. Проживъ 3 года на берегу р. Грязовицы въ дуплѣ липы, Павелъ удалился въ тогдашнюю Обнорскую треть къ р. Нурмѣ (теперь Грязовецкій у. Вологодской губ.). Замѣчательные подвижническіе труды его прославились въ окрестностяхъ и собрали вокругъ него многихъ подражателей; необходимость дать правила жизни этой братіи

побудила Павла отправиться в Москву к митроп. Фотію съ просьбой о благословеніи на устройство монастыря; благословеніе это, хотя не сразу и то только благодаря особому видѣнію Фотію, было дано ему и въ 1414 г. пустынь была основана. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ отвѣтъ на грамоту Павла, до насъ не дошедшую, митроп. Фотій прислалъ (1420 г.) благословеніе на устройство монастыря и освященіе церкви съ изложеніемъ правилъ монастырской жизни (см. «Акты Историч.», I, № 257, и «Русс. Историч. Библиот.», VI, № 57). Первымъ игуменомъ Спасо-Обнорскаго мон. былъ Алексій, ученикъ Павла и Сергія Нуромскаго, ближайшаго друга и духовника его, жившаго въ тѣхъ же Обнорскихъ дѣсахъ. Самъ онъ, и по основаніи монастыря, продолжалъ жить въ уединенной келіи и лишь изрѣдка приходилъ въ обитель. Онъ канонизированъ Соборомъ 1547 г.; въ окружной грамотѣ митроп. Макарія на Вологду и Бѣлоозеро читаемъ: «Уставили есмя нынѣ праздновати новымъ чудотворцомъ въ Русс. земли, что ихъ Господь прославилъ многими и различными чудесы и знаменми и не бѣ имъ до днесь соборнаго пѣнія... пѣти и праздновати повсюду генваря въ 10 день преп. Павлу Обнорскому новому чудотворцу» (см. «Акты Археогр. Экспед.» I, № 213). Безъ сомнѣнія, неофициальное признаніе Павла за святого существовало гораздо раньше. Канонизація 1547 г. имѣла ближайшей причиной нахожденіе нетлѣнныхъ мощей его при копани рововъ для постройки новой каменной церкви надъ его гробомъ. Черезъ годъ послѣ канонизаціи была составлена служба новому святому (см. также «Уставъ церк. обрядовъ, совершавшихся въ Моск. Успенскомъ соборѣ» около 1634, въ «Русс. Историч. Библиот.» III, 51). Мощи его находятся подъ спудомъ въ Павло-Обнорскомъ третьеклассномъ мон. (Грязовскаго у., Обнорской вол., въ 15 в. отъ уѣзда. гор. Грязовца); тамъ охраняются до сихъ поръ: дупло, въ которомъ жилъ Павель, его колодезь и крестъ, данный ему преп. Сергіемъ (послѣдній описанъ и изображенъ въ «Извѣст. Археолог. Общ.», 1861, 142, въ ст. Суворова, и въ «Древн. памятникахъ русс. письма и языка», И. Срезневскаго, во 2-мъ изд., с. 269—270). Приведенныя здѣсь біограф. данныя о преп. Павлѣ дасть житіе его, написанное не-

извѣстнымъ лицомъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ по его смерти (около 1546 г.); составленное, вѣроятно, главнымъ образомъ, на основаніи рассказовъ только второго поколѣнія монаховъ, оно заслуживаетъ, хотя не безусловно, но все-таки въ значительной степени, вниманіе историка. По своему составу списки житія этого святого могутъ быть подраздѣлены на три вида: 1) древнее (житіе Павла и повѣсть объ Алексіи), 2) дополненное сказаніемъ о чудесахъ Павла и 3) соединенное съ повѣстью о разореніи мон-ря татарами въ 1538 г. Описаніе наружности святого — въ «Сводномъ иконописномъ подлинникѣ», по списку Филимонова XVIII в., подъ 10 янв. (въ «Вѣстн. Общ. древне-русс. искусства», стр. 79).

Взрюжскій «Преп. Павель Обнорскій» и «Вологод. святые», Вологда 1879; Пухлядскій «Преп. Павель Обнорскій, Вологод. чудотвор.» («Вологод. епарх. вѣдом.» 1870, приб., № 1); Евгений «Краткое свѣдѣніе объ угодникахъ Божіихъ по Вологод. губ.» (тамъ же, 1864, приб., № 1); Н. Суворовъ «Описаніе Павло-Обнор. мон.» (тамъ же, 1866, приб., 99); «Вологодск. Старина» 1890, 258 и слѣд.; Эристовъ «Словарь историч. о святыхъ», 1836 и 1862; Муравьевъ «Житія святыхъ», январь, 151—174; Филаретъ «Русс. святые», 1882, январь, 41—52 (съ невѣрн. указаніемъ, что Павель монашествовалъ въ Кирилло-Бѣлов. мон., ибо это могло быть лишь до 1389 г., а монастырь основанъ въ 1397 г.); «Книга глагол. Описаніе о росс. святыхъ», съ дополн. гр. М. Толстого, № 248, въ «Чтеніяхъ» 1887, кн. 4; Леонидъ «Св. Русь», № 297 (кратко); Амвросій «Исторія росс. іерархін», V, 428 и слѣд.; Карамзинъ, IX, пр. 87 (Рукописн. книга Волоколам. мон.); Ундольскій «Библиограф. розысканіе», 1846, 70; Ключевскій «Древне-русс. житія святыхъ», 271 и слѣд., 378; Сергіи «Св. Востокъ», II, п. 10; «Библиол. Словарь»: П. М. Строева, подъ ред. А. Ф. Бычкова, 340—341 и 405—406.

Вс. Срезневскій.

Павель, преп. Печерскій, «послушливый», XIII в.; мощи его почиваютъ въ Θεодосіевой (дальней) пещерѣ, а память празднуется, обще съ другими печерскими угодниками той же пещеры, — 28 августа.

«Патер. Печерскій»; Евгений «Описаніе Киево-Печ. лавры», 289; Эристовъ «Словарь историч. о святыхъ», 1836, 223; Филаретъ «Русс. святые», 1882, августъ, 563; Сергіи «Св. Востокъ», II, 226 и ш. 206; Барсуковъ «Источники русс. агиографіи», 419; Леонидъ «Св. Русь», № 114.

Павель, преп. Печерскій, XIV в.; мощи его почиваютъ въ Антоіеивой (ближней) пещерѣ, а память празднуется — 21 сентября; упоминается въ канонѣ общей службы святыхъ ближней пещеры, вкупѣ съ канонархами Геронтіемъ и Леонтіемъ, вѣроятно какъ уставщикъ.

Филаретъ «Русс. святые», 1882, сентябрь, 108; Сергій «Св. Востокъ», II ш, 206; Барсуковъ «Источники русс. агиографіи», 419; Леонидъ «Св. Русь», № 147.

Павель, преп. Ростовскій основалъ въ 1363 г., вмѣстѣ съ преп. Феодоромъ († 22 окт. 1409), по указанію преп. Сергія Радонежскаго и вслѣдствіе видѣнія свв. Бориса и Глѣба, при Ростовскомъ кн. Константинѣ III Васильевичѣ и еписк. Игнатіи III, — Борисоглѣбскій мон. на р. Устьѣ, гдѣ былъ потомъ игуменомъ (послѣ Феодора) и гдѣ почиваютъ его мощи; память празднуется общая имъ обомъ — 22 октября, въ иконописномъ же подлинникѣ они упоминаются подъ 8 ноября; отсутствіе житія этихъ святыхъ съ избыткомъ восполняетъ повѣсть о самомъ Борисоглѣбскомъ мон., написанная на мѣстѣ въ началѣ 2-й половины XVI в. и сохранившаяся въ одномъ сборникѣ Троице-Сергіевской лавры.

Филаретъ «Русс. святые», 1882, октябрь, 245—248; Сергій «Св. Востокъ», II, 281, и III, 206; «Сводный иконописный подлинникъ XVIII в.» по списку Филимонова, 38; Ключевскій «Древнерусск. житія святыхъ», 281; Барсуковъ «Источники русс. агиографіи», 593; «Книга глаголемая Описание о русс. святыхъ» (XVI—XVII в.). съ дополн. гр. М. Толстого, № 233; Леонидъ «Св. Русь», № 630.

Павель (Павша) Ананьевичъ (по Никон. лѣтоп. — Семеновичъ), новгородскій посадникъ, избранъ, въ 1268 г., на мѣсто посади. Михаила Феодоровича, павшаго въ Раковорской битвѣ. При Павшѣ, въ 1270 г., состоялся договоръ Новгорода съ вел. кн. тверскимъ и владимірскимъ Ярославомъ Ярославичемъ объ условіяхъ, на какихъ послѣдній обязывался владѣть первымъ. Въ 1272 г., по смерти Ярослава, за Новгородъ спорили дядя и племянникъ: вел. кн. Василій Ярославичъ и Димитрій Александровичъ переяславскій. Павша держалъ сторону послѣдняго, и сынъ Невскаго сѣлъ на Новгородскомъ столѣ. Но въ 1273 г. Василій силой оружія заставил новгородцевъ разстаться съ Димитріемъ; тогда же и у Павши отняли посадничество и дали его Михаилу Мишиничу. Павша ушелъ къ Димитрію Александровичу и поселился почему-то въ Костромѣ. Вскорѣ, однако, новгородцы отняли посадничество у Михаила и опять дали его Павшѣ. Въ томъ же 1273 г. Павша съ старѣйшими мужами новгородскими упрости уже дряхлаго отъ старости архіепископа Далмата заблаговременно назначить преемника себѣ. По ука-

занію владыки, изъ двухъ или трехъ кандидатовъ на святительскую кафедру избранъ былъ духовникъ его, игуменъ Климентъ. Въ 1274 г., вслѣдъ за архіепископомъ Далматомъ, скончался и Павша.

«Полн. собр. русс. лѣтоп.» III, 62 — 63, 220; IV, 41, 43; V, 198, 199; X, 152; Калайдовичъ «Опытъ о посадник. новгор.», 138—149; Карамзинъ IV, прим. 132, 148, 154 и текстъ къ нимъ; Соловьевъ, III, 200, 203.

А. Э.

Павель Діонисіевичъ, галицкій, бояринъ. Въ 1228 г., когда Владиміръ Рюриковичъ, кн. кievскій, съ ханомъ половецкимъ Котянномъ, Михаиломъ черниговскимъ и друг. князьями, вздумалъ мстить Даниилу галицкому, вмѣсто отца его Романа, постригшаго Рюрика въ монахи, — князь галицкій, при посредствѣ боярина Павла, склонилъ Котяна на свою сторону и тѣмъ избѣгъ угрожавшей ему опасности. При сынѣ Даниила, Мстиславѣ, кн. луцкомъ и владиміро-волинскомъ, мы встрѣчаемъ Павла Діонисіевича, котораго Мстиславъ послалъ, въ 1289 г., къ Льву галицкому, брату своему, по дѣлу о сынѣ его Юріи Львовичѣ, силой занявшемъ Мстиславовы города; но одно ли это лицо — сказать трудно, тѣмъ болѣе, что подъ 1228 г. имя Павла въ лѣтописи употреблено безъ отчества.

«Полн. собр. русс. лѣтоп.» II, 167, 224; Карамзинъ IV, пр. 175.

А. Э.

Павель, посадникъ новгородскій (а не ладожскій), занималъ этотъ важный постъ при кн. Мстиславѣ Владиміровичѣ (Великомъ). Въ 1114 г. Мстиславъ «заложилъ Новгородъ болій перваго», а въ 1116 г. посадникъ Павель «заложилъ Ладогу градъ каменъ». Очевидно, расширеніе и укрѣпленіе этихъ городовъ, почти одновременное, происходило по почину одного лица, именно — Мстислава, кн. новгородскаго, отчего Ладогу укрѣплялъ новгородскій же посадникъ, а не ладожскій, какъ говоритъ Ипат. лѣтоп., — это тѣмъ вѣроятнѣе, что «Лѣтописецъ новгородскимъ церквамъ», ближе стоящій къ новгородскимъ событіямъ, чѣмъ составитель Ипат. лѣтоп., прямо называетъ Павла посадникомъ новгородскимъ.

Лѣтописи: Ипатская и 2-я и 3-я Новгородскія подъ назван. годами; Калайдовичъ «Опытъ о посадник. новгор.», 70; Карамзинъ II, пр. 238; Соловьевъ, III, 136.

А. Э.

Павель Игоревичъ, в. к., см. Олегъ.

Павелъ I, императоръ всероссійскій, сынъ великаго князя (впослѣдствіи императора) Петра Ѳеодоровича и великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Екатерины Алексѣевны, урожденной принцессы ангальтъ-цербстской, род. въ С.-Петербургѣ, 20 сентября 1754 года; титулъ цесаревича получилъ 27 декабря 1761 года, 29 сентября 1773 г. вступилъ въ 1-й бракъ съ принцессой гессенъ-дармштаттской Вильгельминой, нареченной при св. миропомазаніи Наталіей Алексѣевной; съ 26 сентября 1776 г. былъ во второмъ бракѣ съ принцессой виртембергской Софіей-Доротеей, нареченной въ св. миропомазаніи Маріей Ѳеодоровной; вступилъ на престолъ 7 ноября 1796 г.; скончался въ С.-Петербургѣ въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 г.; отъ второго брака имѣлъ четырехъ сыновей; 1) Александра Павловича (род. 12 декабря 1777 г.), 2) Константина (род. 27 апрѣля 1779 г.), 3) Николая (род. 25 іюня 1796 г.) и 4) Михаила (род. 28 января 1798 г.) и шесть дочерей: 1) Александру (род. 29 іюля 1783 г.), 2) Елену (род. 13 декабря 1784 г.), 3) Марію (род. 4 февраля 1786 г.), 4) Екатерину (род. 10 мая 1788 г.), 5) Ольгу (род. 11 іюля 1792 г.) и 6) Анну (род. 7 января 1795 г.).

Павелъ Петровичъ — великій князь (1754—1796).

Великій князь Павелъ Петровичъ родился къ величайшей радости бабушки своей, императрицы Елисаветы Петровны, и всей Россіи: его рожденіемъ обезпечивалось престолонаслѣдіе въ родѣ Петра Великаго. Императрица Елизавета видѣла въ младенцѣ-внуцѣ залогъ будущности своей имперіи и приняла на себя заботы о его воспитаніи. «Только что спеленали его», рассказываетъ Екатерина, «какъ явился, по приказанію императрицы, духовникъ ея и нарекъ ребенку имя Павла, послѣ чего императрица тотчасъ велѣла повивальной бабушкѣ взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели... Въ городѣ и имперіи была великая радость по случаю этого событія. На другой день я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль, начиная отъ бедра вдоль голени и въ лѣвой ногѣ. Боль эта не давала мнѣ спать, и, сверхъ того, со мною едѣлалась сильная лихорадка; но,

не смотря на то, и въ тотъ день я не удостоилась большаго вниманія. Впрочемъ, великій князь на минуту явился въ моей комнатѣ и потомъ ушелъ, сказавъ, что ему некогда больше оставаться. Лежа въ постели, я непрерывно плакала и стонала; въ комнатѣ была одна только Владиславова; въ душѣ она жалѣла обо мнѣ, но ей нечѣмъ было помочь. Да и я не любила, чтобы обо мнѣ жалѣли, и сама не любила жаловаться: я имѣла слишкомъ гордую душу, и одна мысль быть несчастной была для меня невыносима; до сихъ поръ я дѣлала всё, что могла, чтобы не казаться таковой... Наконецъ, великій князь соскучился по мнѣмъ фрейлинамъ: по вечерамъ ему не за кѣмъ было воочиться, и потому онъ предложилъ проводить вечера у меня въ комнатѣ. Тутъ онъ началъ ухаживать за графиней Елизаветой Воронцовой, которая, какъ нарочно, была хуже всѣхъ лицомъ».

Этотъ простой рассказъ царственной матери Павла Петровича объ обстоятельстве, сопровождавшихъ его рожденіе, ясно показываетъ, подъ какими несчастными предзнаменованіями появился на свѣтъ великій князь — младенецъ: семейная драма, происходившая въ средѣ императорской фамиліи, уже дала направленіе его будущности. Жертва политическихъ расчетовъ, баловень царственной бабушки, Павелъ Петровичъ при самомъ рожденіи встрѣченъ былъ полнымъ равнодушіемъ ничтожнаго отца и слезами гениальной матери, до глубины души прочувствовавшей свое униженіе и безсиліе: мало того, что у нея отняли первенца—сына и навсегда оторвали отъ семейныхъ радостей, но ради этого же ея первенца бросили ее на произволъ судьбы и какъ бы сдѣлали его ей соперникомъ: возвеличивая сына, унижали мать.

Крещеніе Павла Петровича совершенно было при пышной обстановкѣ 25 сентября. Свое благоволеніе къ матери новорожденнаго императрица выразила тѣмъ, что послѣ крестинъ сама принесла ей на золотомъ блюдѣ указъ кабинету о выдачѣ ей 100,000 р. Послѣ крестинъ при дворѣ начался рядъ торжественныхъ праздниковъ по поводу рожденія Павла: балы, маскарады, фейерверки, длились около года. Ломоносовъ въ одѣ, написанной въ честь Павла Петровича, желалъ ему сравниться въ дѣлахъ съ великимъ его прадедомъ,

пророчилъ, что онъ освободитъ Святая мѣста, перешагнетъ стѣны, отдѣляющія Россію отъ Китая. Манифестъ 7 октября 1754 г. о рожденіи великаго князя Павла Петровича начинался словами: «Всемогущему Господу Богу благодареніе!» Тогда же посланы были для сообщенія родственнымъ дворамъ о счастлиvomъ событіи въ императорскомъ семействѣ: въ Вѣну — камергеръ Сиверсъ, въ Цербстъ — капитанъ Хрущовъ и въ Стокгольмъ — камергеръ великокняжескаго двора, Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, вслѣдъ затѣмъ назначенный посланникомъ въ Гамбургъ.

Празднуя рожденіе внука, императрица Елизавета по-прежнему не щадила материнскихъ чувствъ Екатерины: для нея на первомъ планѣ были лишь «интересы имперіи». Увидѣть сына въ первый разъ послѣ родовъ Екатерины пришлось только чрезъ шесть недѣль, когда она принимала очистительную молитву. Тогда императрица во второй разъ пришла къ ней въ комнату и велѣла принести къ ней Павла. «Онъ показался мнѣ очень хорошъ», пишетъ Екатерина, «и видъ его нѣсколько развеселилъ меня, но какъ скоро молитвы были окончены, императрица тотчасъ приказала унести его и сама ушла». Въ третій разъ Павла показали матери, по ея просьбѣ, лишь весною, по случаю отъѣзда великокняжеской четы въ Ораніенбаумъ; чтобы добраться до его спальни, она должна была пройти чрезъ всѣ покои государыни и нашла его въ страшной духотѣ. Но умная, европейски образованная мать не могла сразу подавить въ себѣ естественной заботливости о сынѣ и издали, со скорбію, слѣдила за направлениемъ, которое давала первоначальному его воспитанію добродушная, но строго придерживавшаяся старозавѣтныхъ русскихъ традицій императрица. Павла Петровича, какъ помѣщичьяго сынка, сдали постепенно на руки невѣжественной женской дворнѣ, со страхомъ заботившейся только о томъ, чтобы беречь и холить барское дитя, оставшееся безъ всякой родительской ласки и призору: еще до крестинъ Павелъ едва было не умеръ отъ молочницы. «Я должна была», пишетъ Екатерина, «лишь украдкой навѣдываться о его здоровьѣ, ибо просто послать спросить о немъ значило бы усумниться въ попеченіяхъ императрицы и могло быть очень дурно принято. Она помѣстила его у себя

въ комнатѣ и прибѣгала къ нему на каждый его крикъ; его буквально душили излишними заботами. Онъ лежалъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, во фланелевыхъ пеленахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; его покрывали одѣяломъ изъ атласнаго тика на ватѣ, а сверхъ того еще одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Послѣ я сама много разъ видала его такимъ образомъ укутаннаго; потъ текъ у него съ лица и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ выросъ, то простуживался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того, къ нему представили множество безтолковыхъ старухъ и мамушекъ, которыя своимъ излишнимъ и неумѣстнымъ усердіемъ причинили ему несравненно больше физическаго и нравственнаго зла, чѣмъ добра».

Это общество нянь и мамушекъ въ первые годы жизни Павла имѣло на него крайне вредное вліяніе и въ другихъ отношеніяхъ: онъ содѣйствовалъ развитію воображенія впечатлительнаго ребенка; это были тѣ же женщины, которые усыпляли императрицу чесаніемъ пятокъ и занимали еѣ разказами о домовыхъ и привидѣніяхъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ нервы Павла разстроены были до того, что онъ прятался подъ столъ при сколько-нибудь сильномъ хлопаньѣ дверями. Въ уходѣ за нимъ не было никакой системы. Случалось, что онъ ложился спать или очень рано, часовъ въ 8 вечера, или же часу въ первомъ ночи, по прихотямъ; случалось также, что ему и ночью давали кушать, когда «спросить изволить». Бывали случаи и простой небрежности въ уходѣ за нимъ. «Одинъ разъ онъ изъ колыбели выпалъ, такъ что никто того не слышалъ. Пробудились по утру — Павла нѣтъ въ колыбели; посмотрѣли — онъ лежитъ на полу и очень крѣпко опочиваетъ». Между тѣмъ, слабое здоровье великаго князя, еще въ младенчествѣ его, требовало особой заботливости. По словамъ придворныхъ его медиковъ, онъ съ самаго рожденія подверженъ былъ припадкамъ, происходившимъ отъ кислотъ, преобладавшихъ въ желудкѣ и пищепріемныхъ путяхъ, а приходя въ возрастъ, подвергся другимъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые имѣли послѣдствіемъ худощавость. По распоряженію Елизаветы, докторъ Фусадѣ, послѣ рожденія Павла, шесть недѣль жилъ въ одной ком-

натѣ съ великимъ княземъ и ночью былъ при немъ безотлучно; затѣмъ Фусадье ночевалъ около Павла лишь во время его болѣзни, смѣняясь съ другимъ врачомъ, Кондонди, но вообще оба доктора ежедневно посѣщали великаго князя. Надзоръ за Павломъ, вѣроятно, сталъ слабѣе съ тѣхъ поръ, какъ императрица Елизавета стала весьма рѣдко посѣщать своего внука, отдавъ его всецѣло на руки приставницъ: быть можетъ не безъ умысла, онѣ такъ напугали Павла императрицей, что онъ трясся при одномъ взглядѣ на нее, и Елизавета вынуждена была приходить къ внуку лишь изрѣдка; то же бывало, и по тѣмъ же причинамъ, съ довѣренными другомъ императрицы, графиней Маврой Егоровной Шуваловой. Обѣдали съ великимъ княземъ бѣдные дворяне, жившіе при дворѣ: Иванъ Ивановичъ Ахлебининъ, Савелій Даниловичъ и мамушка Анна Даниловна; доктора стояли тутъ же, но не обѣдали, а нянюшки служили. Это общество окружало Павла и при Ѳеодорѣ Дмитриевичѣ Бехтѣевѣ, который назначенъ былъ въ 1758 г. быть воспитателемъ великаго князя. Въ первый же день своего вступленія въ должность Бехтѣевъ посадилъ Павла учиться грамотѣ, а съ нимъ вмѣстѣ Ивана Ивановича, Савелья Даниловича и Анну Даниловну, которые притворялись, что грамотѣ не умѣютъ. Въ этомъ же году четырехлѣтняго Павла стали одѣвать въ тогдашнее модное платье. «Когда парикъ и платье поспѣли», рассказываетъ Порошинъ, «то няня окропила ихъ святою водою, и съ того времени Павелъ всякій день ходилъ въ парикѣ».

9 декабря 1757 г. у великой княгини Екатерины Алексѣевны родилась дочь, нареченная Анной. Подобно брату, и она отдана была на руки тѣмъ же нянюшкамъ и бабушкамъ, но уже 7 марта 1759 г. скончалась. Екатерину до такой степени удаляли отъ ея собственныхъ дѣтей, что она не могла ихъ видѣть иначе, какъ съ особеннаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія императрицы. Еще весною 1758 г. Екатерина заявляла, что такъ какъ она лишена утѣшенія видѣть дѣтей, то ей все равно, жить ли отъ нихъ въ ста шагахъ или въ ста верстахъ. Лишь въ концѣ царствованія Елизаветы великая княгиня получила дозволеніе видѣть сына разъ въ недѣлю.

Женскому царству въ воспитаніи Павла наступилъ конецъ, и то не сразу, лишь на шестомъ году его возраста, когда, въ день его тезоименитства, 29 іюня 1760 г., назначенъ былъ главнымъ его воспитателемъ, въ качествѣ оберъ-гофмейстера, генераль - поручикъ и дѣйствительный камергеръ, Никита Ивановичъ Панинъ. Еще за мѣсяцъ до вступленія Панина въ должность, мамы и нянюшки начали пугать имъ Павла такъ же, какъ ранѣе пугали его императрицей. «Однажды», говоритъ Порошинъ въ разсказахъ о дѣтскихъ годахъ Павла Петровича, «когда Панинъ обѣдалъ у государыни, подослалъ Павелъ Петровичъ посмотрѣть его: сказали, что парикъ съ узлами и старикъ угрюмый, а Панину было въ это время только 42 года. Въ другой разъ, увидя въ Петергофѣ, что идетъ старикъ въ парикѣ, въ голубомъ кафтанѣ, съ обшлагами желтыми бархатными, Павелъ Петровичъ заключилъ, что это Панинъ, и неописанно струсилъ для того, что уже разсказано было, какъ скоро онъ опредѣлится, то не будетъ допускать ни Матрону Константиновну, ни другихъ женщинъ, и всѣ веселости отнимутъ». Неудивительно, что вступленіе Панина въ новую должность сопровождалось слезами его маленькаго воспитанника. Большихъ усилій стоило Панину приучить къ себѣ своего воспитанника и удалить отъ него привычное для него общество: товарищей-сверстниковъ около Павла не было, а за своими обѣдами онъ сталъ видѣть лишь степенныхъ, солидныхъ «кавалеровъ», къ нему приставленныхъ, и разныхъ Елизаветинскихъ вельможъ, приглашаемыхъ къ великокняжескому столу. Жаль было въ первое время ребенку своихъ прежнихъ собесѣдниковъ. «Для чего Ивана Ивановича и Савелья Даниловича нѣтъ тутъ за столомъ по-прежнему?» спросилъ онъ Панина за ужиномъ. — «Не должно», былъ сухой отвѣтъ новаго воспитателя. Великій князь расплакался. Въ растворенную дверь Павелъ увидѣлъ свою прежнюю собесѣдницу Мавру Ивановну и попросилъ поставить для нея приборъ, но Никита Ивановичъ запретилъ. Слезы пошли у Павла, со слезами изъ-за стола всталъ, со слезами и въ постель легъ. На третій день, когда Павелъ увидѣлъ, что накрытъ былъ для обѣда большой столъ и что будутъ сидѣть съ нимъ много кавалеровъ, то «взвылъ

почти» и во весь день въ слезахъ былъ; Иванъ Ивановичъ и Савелій Даниловичъ также присутствовали за обѣдомъ, но, увы, уже стоя, за стуломъ Павла. Иванъ Ивановичъ заплакалъ, и Никита Ивановичъ выслакъ его; только Савелій Даниловичъ, стоя, утѣшалъ бывшего своего питомца. «И по опредѣленіи уже Никиты Ивановича, говоритъ Порошинъ, бабы всѣ до 1761 г. были при великомъ князѣ и спали всѣ съ нимъ въ одной комнатѣ по-прежнему. Въ 1761 г. началъ уже спать съ великимъ княземъ въ одной комнатѣ Никита Ивановичъ, такъ, какъ и нынѣ (1764 г.) спитъ. А бабы по утру приходили перемѣнять бѣлье, также и днемъ».

Совершенно «отлучены были бабы» отъ великаго князя лишь послѣ смерти императрицы Елизаветы, въ 1762 г.: онѣ получили пенсію и только три—четыре раза въ годъ являлись къ Павлу съ поздравленіями. Зато, когда Павлу исполнилось шесть лѣтъ, его сочли нужнымъ вывести на придворную сцену, указать ему на его общественное значеніе: его стали возить во дворецъ на парадные спектакли и обѣды; мало того, иностранные посланники должны были представляться ему на торжественныхъ аудіенціяхъ.

Это, дѣйствительно, оказалось нужно, не столько для Павла, разумѣется, сколько для честолюбивыхъ интригановъ, наполнявшихъ дворъ состарѣвшейся императрицы и стремившихся выдвинуть великаго князя на политическую арену, руководясь при этомъ своими личными выгодами; въ числѣ этихъ честолюбцевъ былъ и самъ воспитатель Павла, Панинъ. «Во время болѣзни блаженной памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны въ декабрѣ мѣсяцѣ 1761 г.», рассказываетъ Екатерина въ одной изъ своихъ записокъ, «слышала я изъ устъ Никиты Ивановича Панина, что трое Шуваловы: Петръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ, чрезвычайно робѣютъ о приближающейся кончинѣ государыни императрицы и о будущемъ жребіи ихъ; что отъ сей робости ихъ родятся у многихъ окружающихъ ихъ разные проекты; что наслѣдника ея всѣ боятся; онъ не любимъ и не почитаемъ никѣмъ; что сама государыня сѣтуетъ, кому поручить престолъ; что

склонность въ ней находятъ отрѣшить наслѣдника, неспособнаго, отъ котораго много имѣла сама досады, и взять сына его семилѣтняго и мнѣ поручить управленіе, но что сіе послѣднее, касательно моего управленія, не по вкусу Шуваловымъ. Изъ сихъ проектовъ родилось, что, посредствомъ Мельгунова, Шуваловы помирились съ Петромъ III, и государыня скончалась безъ иныхъ распоряженій». На смертномъ одрѣ императрица Елизавета просила, однако, Петра Фёдоровича доказать ей свою признательность любовью своею къ сыну своему и ея внуку. Любви этой, впрочемъ, Петръ III ничѣмъ не проявилъ въ короткое время своего царствованія. Напротивъ, въ манифестѣ своемъ о дѣлахъ Петра, возбуждавшихъ всеобщее неудовольствіе, Екатерина прямо объявляла впослѣдствіи, что Петръ даже не желалъ признать Павла своимъ наслѣдникомъ и что въ его царствованіе она съ сыномъ «видѣла себя въ гоненіи и почти крайнемъ отдаленіи отъ императорской фамиліи». Дѣйствительно, въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Петра III не были упомянуты ни императрица Екатерина Алексѣевна, ни наслѣдникъ Павелъ Петровичъ, а въ формѣ клятвеннаго обѣщанія указано было, что «наслѣдники будутъ избираемы и опредѣляемы по высочайшей его величества волѣ»; лишь въ формѣ церковныхъ возношенійъ великому князю Павлу Петровичу приданъ былъ титулъ «цесаревича». Было общимъ мнѣніемъ, что императоръ, влюбленный въ графиню Воронцову, желалъ вступить въ бракъ съ нею и заключить Екатерину въ крѣпость и что ту же участь готовилъ онъ и своему сыну. Занятый въ часы досуга попойками съ своими приближенными, Петръ не удѣлялъ времени своему сыну, а между тѣмъ Павелъ уже въ то время обнаруживалъ много свойствъ, принадлежавшихъ Петру, а не Екатеринѣ. Эти особенности великаго князя, не любимаго отцомъ, должны были, рано или поздно, поселить отчужденіе къ нему и въ сердцѣ матери, скорѣе, чѣмъ кто-либо, замѣтившей это сходство.

Малолѣтній Павелъ Петровичъ, конечно, не понималъ отношеній, существовавшихъ между его родителями. Въ ночь на 27 іюня 1762 г. Павелъ Петровичъ былъ страшно напуганъ, когда его внезапно разбудили и, подъ охраною отряда войскъ, перевезли

изъ Лѣтняго дворца въ Зимній, и здѣсь Панинъ всю ночь провелъ въ одной постели съ своимъ воспитанникомъ. Испугъ мальчика былъ такъ великъ, что у него появились болѣзненные припадки. Между тѣмъ, рано утромъ на другой день, рѣшившій низложить Петра III съ престола, Панинъ повезъ его къ Казанскому собору, куда, для принятія присяги, бѣжали возлѣ кареты великаго князя едва одѣтые солдаты. Екатерина провозглашена была самодержавной императрицей, а Павелъ объявленъ былъ ея наслѣдникомъ; чрезъ нѣсколько дней затѣмъ услышалъ онъ о скоростижной смерти отца. Въ августѣ 1762 г., во время коронаціи Екатерины, у великаго князя повторились болѣзненные припадки, и онъ захворалъ на столько серьезно, что боялись даже за его жизнь и приложены были всѣ заботы къ его выздоровленію. Замѣчательно, что, по свидѣтельству Панина, великій князь, вообще проявлявшій признаки добраго сердца, какъ только началъ оправляться послѣ своей болѣзни, самъ сталъ просить устроить въ Москвѣ больницу для бѣдныхъ; больница эта названа была Павловскою, и въ память ея основанія выбита была медаль, на одной сторонѣ которой находилось изображеніе Павла Петровича, а на другой аллегорическія фигуры съ надписью: «Свобождаемая самъ отъ болѣзни, о больныхъ промышляетъ».

Въ это время Екатерина начала уже думать о выборѣ воспитателя для сына: она цѣнила способности Панина, но не уважала его, какъ человѣка, и даже считала, что онъ можетъ быть игрушкой въ рукахъ другихъ. Сначала она пыталась ослабить вліяніе Панина на Павла приглашеніемъ къ сыну, въ качествѣ воспитателя, извѣстнаго Даламбера: какъ блестящій представитель французской литературы, жаркой поклонницей которой была Екатерина, онъ былъ совершенно умѣстенъ, по ея взгляду, при воспитаніи великаго князя, а какъ иностранецъ не могъ возбудить ревности Панина, который, дѣйствительно, и самъ присоединился къ приглашенію Екатерины. Императрица написала Даламберу собственноручное письмо, въ которомъ искренно говорила, что воспитаніе сына такъ близко ея сердцу и что Даламберъ такъ ей нуженъ, что, быть можетъ, она слишкомъ наставляетъ на своемъ предло-

женіи и просить его пріѣхать въ Россію со всѣми его друзьями. Хотя Екатерина при этомъ предлагала Даламберу самыя выгодныя условія, но онъ не принялъ приглашенія, какъ думаютъ, потому, что не былъ увѣренъ въ прочности положенія на тронѣ самой императрицы. Быть можетъ, поручая Панину въ 1763 году управленіе коллегією иностранныхъ дѣлъ, императрица предполагала отвлечь Панина отъ Павла и очистить дорогу для иного вліянія на сына. Смутныя обстоятельства первыхъ годовъ царствованія Екатерины заставили ее отказаться отъ первоначальной своей мысли, и Панинъ, укрѣпившись на своемъ мѣстѣ силою вещей, сдѣлался въ глазахъ всѣхъ какъ бы опекуномъ Павла Петровича. Съ тѣхъ поръ Екатерина постоянно была, по ея собственному выраженію, «въ превеликомъ амбара», если дѣло шло о Павлѣ и ея мнѣнія могли не совпадать съ мнѣніями Панина, и это «амбара» матери не могло не отражаться на ея отношеніяхъ къ сыну.

Никита Ивановичъ Панинъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей русской исторіи XVIII вѣка, вполне характеризующихъ эпоху, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Онъ, насколько могъ, старался содѣйствовать правильному воспитанію великаго князя: ежедневно посѣщалъ Павла, присутствовалъ на его урокахъ и никогда внѣ дома не отпускалъ его отъ себя; казалось, не было такой мелочи въ жизни Павла, которою бы не интересовался Панинъ. Но задачи воспитанія наслѣдника престола ясно обозначены не были, и никакихъ образцовъ въ этомъ дѣлѣ для Панина не существовало, если не считать неудачныхъ Остермановскихъ проектовъ для воспитанія Петра II. Въ видѣ руководства выставлялись лишь общія мѣста и отвлеченныя идеи. Сама Екатерина, въ бытность свою великой книжницей, написала, напр., слѣдующія строки: «По моему мнѣнію, при воспитаніи царственнаго сына должны быть приняты два начала. Они состоятъ въ томъ, чтобы сдѣлать его добродѣтельнымъ (*bienfaisant*) и вселить въ немъ любовь къ правдѣ. Это сдѣлаетъ его любезнымъ въ глазахъ Бога и людей».

Панину пришлось самому намѣтить, для представленія императрицѣ Елизаветѣ, особую воспитательную программу,

примѣняясь къ духу времени и потребностямъ общества и не вдаваясь въ подробности, которыя опредѣлялись сами собою—жизнію и обстоятельствами. Вслѣдствіе этого, воспитаніе Павла Петровича приняло постепенно французскій характеръ. Еще при Елизаветѣ французскій языкъ вошелъ въ обычай высшего русскаго общества, а при Екатеринѣ образовалась склонность къ изящному чтенію, началось поклоненіе французской просвѣтительной литературы; даже «модные щеголи» и «свѣтскія вертопрашки» беззаботно «фельдтировали модныя книжки безъ всякой дистракціи». Естественно, поэтому, явилась мысль, что и воспитаніе великаго князя должно было вести на французскій ладъ, по образцу воспитанія французскихъ дофиновъ, съ обычною обстановкою французской школы того времени. Идеалы рыцарскихъ добродѣтелей навсегда сроднились съ душой Павла: мужество, великодушіе, стремленіе къ правдѣ и защита слабыхъ, уваженіе къ женщинамъ,— всегда вызывали сочувствіе царственнаго мальчика. Прочтя однажды исторію мальтійскаго ордена, онъ долго не могъ успокоиться, живо воображая себя мальтійскимъ рыцаремъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, окружавшее царственнаго мальчика офранцузенное общество нечувствительно и незамѣтно передавали ему и другія качества, бывшія слѣдствіемъ французскаго вліянія: эстетическую впечатлительность, слабонервность и, какъ плодъ усерднаго чтенія французскихъ псевдоклассиковъ, нѣкоторую высокопарность въ словахъ и поступкахъ. Любопытіе всего то, что даже нѣмцы, бывшіе при Павлѣ, и самъ Панинъ, воспитанный при нѣмцахъ, также вполне подчинялись французскому вліянію. Разговоры, выборъ книгъ для чтенія, театральныя представленія, все въ окружавшей Павла обстановкѣ отвѣчало этому направленію, тѣмъ болѣе, что Павелъ проводилъ все время исключительно среди взрослыхъ, а за его обѣдомъ часто присутствовали екатерининскіе вельможи, не стѣснавшіеся при мальчикѣ въ выраженіи своихъ чувствъ и мыслей. Лишь изрѣдка, по праздникамъ и на урокахъ танцевъ, Павелъ пользовался обществомъ сверстниковъ, изъ которыхъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, племянникъ Панина, и графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій пользовались особымъ его

расположеніемъ. Между тѣмъ, въ мнѣніи своемъ о воспитаніи Павла Петровича, Панинъ упоминалъ, что «воспитатель его долженъ съ крайнимъ прилежаніемъ предостерегать и не допускать ни дѣломъ, ни словами, ничего такого, что хотя мало бы могло развратить тѣ душевныя способности, съ которыми человекъ на свѣтъ происходитъ». Эта прописная истина была, очевидно, однимъ изъ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя вполне приспособлялись и приспосаблиются къ любымъ нравственнымъ идеаламъ общества въ извѣстную эпоху и прекрасно уживаются съ ними. Поэтому неудивительно, что на Павлѣ Петровичѣ сказались всѣ достоинства и недостатки французскаго воспитанія. Онъ полюбилъ внѣшность, декораціи, любилъ щеголять своими костюмами. Веселый, живой, свѣтски любезный, великій князь, еще десяти, одиннадцати лѣтъ, занятъ былъ «нѣжными мыслями» и «маханіемъ». Въ дневныхъ запискахъ его воспитателя, Порошина, сохранились живыя свидѣтельства черезчуръ раннихъ «любезныхъ» свойствъ Павла. «Шутя говорили, что пришло время великому князю жениться. Краснѣлъ онъ и отъ стыдливости изъ угла въ уголъ изволилъ бѣгать; наконецъ, изволилъ сказать: «Какъ я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнивъ буду. Рогъ мнѣ имѣть крайне не хочется. Да то бѣда, что я очень рѣзвъ: намедни слышалъ я, что такихъ рогъ не видятъ и не чувствуетъ тотъ, кто ихъ носитъ». Смѣялся много о сей его высочества заботливости». Въ другой разъ, съ разрѣшенія Екатерины и въ сопровожденіи Панина и графа Орлова, Павелъ отправился посѣтить фрейлинъ, жившихъ во дворцѣ. «Возвратясь къ себѣ, изволилъ его высочество съ особливимъ восхищеніемъ рассказывать о своемъ походѣ и, кто ни приходилъ, изволилъ спрашивать: «отгадай, гдѣ я былъ сегодня?» Послѣ рассказовъ вошелъ въ нѣжныя мысли и въ томномъ усажденіи на канapé поваливался. Подзывая Порошина, говорилъ, что онъ видѣлъ свою любезную (фрейлину Чогокову, съ которой онъ началъ «махаться»), и что она часъ отъ часу болѣе его пѣвнуетъ. Потомъ читали «Dictionnaire encyclopédique». Его высочество сыскалъ тамъ слово «amouir» и читалъ на него изъясненіе». «Спрашивалъ Панинъ у его высочества, въ кого онъ нынѣ влюбленъ. Признавался

его высочество, что онъ влюбленъ, а въ кого не сказалъ. Наконецъ говорилъ Панинъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, ему сказалъ, давно ли онъ влюбленъ. На сіе отвѣчалъ его высочество, что въ слѣдующемъ декабрѣ мѣсяцѣ (1765 г.) годъ будетъ». Панинъ не считалъ нужнымъ противодействовать этой влюбленности. Спусти мѣсяць, «его высочество очень много танцовать изволилъ съ своей любезною и махалъ весьма примѣтно». «Признаться надобно», замѣчаетъ Порошинъ, «что сегодня она особливо хороша была и приступы его высочества не отбивала суровостію»; Панинъ же «шутилъ надъ великимъ княземъ, какъ онъ прежде влюбленъ въ княжну Хованскую, а нынѣ и играть комедіи «*La fête d'amour*» съ ней не хочетъ. Говорилъ Панинъ, что «*c'est le dépit amoureux*» и т. д.

Окружавшее Павла общество «не было лѣнливо или непослушно въ странахъ Цитерскихъ» и думало, что и онъ со временемъ не будетъ такимъ; но все-таки потворствовать преждевременному развитію чувственности въ 10-лѣтнемъ мальчикѣ и распалить его воображеніе не слѣдовало ни при какой системѣ воспитанія. Нервность и воспримчивость Павла замѣтны были въ немъ еще въ дѣтскіе его годы; сила воображенія его была такъ велика, что, по свидѣтельству Порошина, «онъ такъ ясно и живо себѣ представлялъ, какъ бы то уже предъ нимъ дѣйствительно происходило». Напряженность и слѣдовавшее за нимъ разстройство воображенія несомнѣнно связаны были съ общею болѣзненностію организма Павла и разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, которымъ страдалъ онъ со дня рожденія. Напряженность воображенія вызывала за собою и крайнюю неустойчивость впечатлѣній мальчика. Обладая замѣчательною памятью, тщательно подмѣчая всѣ мелочи и подробности въ окружавшей его обстановкѣ и людяхъ, Павелъ жилъ всегда болѣе впечатлѣніями, не слѣдуя разсудку или сознательно опредѣлившемуся чувству. Его отношенія къ внѣшнимъ предметамъ всегда были въ зависимости отъ быстро смѣнявшихся идей, которыя онъ связывалъ съ ними въ своемъ воображеніи и которыя могли льстить его чувствамъ, а не были послѣдствіемъ точнаго ихъ знанія и оцѣнки. Оттого легко было понравиться Павлу, но было еще легче, безъ видимыхъ причинъ,

навлечь на себя его нерасположеніе: малѣйшаго, часто кажущагося несоотвѣтствія какого-либо лица съ затаенными чувствами и мнѣніями Павла было совершенно достаточно, чтобы онъ измѣнилъ о немъ свое мнѣніе; изъ пустой, ничтожной подробности Павелъ быстро воссоздавалъ себѣ цѣлую картину, часто существовавшую лишь въ одномъ его воображеніи; на основаніи случайнаго признака выводилъ о лицѣ рѣшительное заключеніе, произносилъ о немъ окончательные приговоры. Достаточно было иногда, какъ бы случайно брошеннаго слова, мимоходомъ высказанной кѣмъ-либо мысли, чтобы Павелъ Петровичъ, остановившись на нихъ, самъ дошелъ до крайнихъ выводовъ. По живости своей онъ немедленно прилагалъ ихъ къ дѣлу, а стремленіе къ защитѣ воображаемой правды и самолюбіе заставляло его упорствовать на нихъ до послѣдней крайности; мало того, даже приди въ послѣдствіи къ сознанию сдѣланной имъ ошибки въ оцѣнкѣ какого-либо лица, Павелъ сохранялъ въ себѣ непріятное о немъ впечатлѣніе, потому что видѣ его напоминалъ ему эту ошибку, оскорблялъ его самолюбіе. Чтобы управлять Павломъ, нужно было постоянно подогрѣвать его впечатлѣнія, направлять ихъ постоянно по одной и той же колеѣ. «Его высочество», замѣчаетъ Порошинъ, «будучи весьма живого сложенія и имѣя нанчеловѣколюбивѣйшее сердце, вдругъ влюбляется почти въ челоуѣка, который ему понравится. Какъ никакія усиленныя движенія долго (въ немъ) продолжаться не могутъ, если побуждающей силы при томъ не будетъ, то и въ семъ случаѣ круглая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имѣетъ желаніе полюбить». Словомъ сказать, гораздо легче его высочеству вдругъ весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую отъ него дружбу и милость. Часто на его высочество имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до кого-нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого-нибудь челоуѣка, таюмо челоуѣка послѣ видя, его высочество склоненъ къ нему является; когда же, напротивъ того, говорятъ о немъ невыгодно и хулительно, а особливо не прямо къ